

Над подиумом для демонстрации висели специальные небольшие светильники для освещения, чтобы покупатели могли лучше разглядеть детали произведения искусства.

Картина с изображением красавца спокойно висела в стеклянном футляре. Покупатели, сидевшие на ступенчатых сиденьях впереди, были очарованы красотой на картине в красном платье, лежащей под цветущей персиковой веткой, с любого ракурса.

Его длинные, растрепанные черные волосы, запястья, нежные как иней, и казалось, слегка опьяненные, соблазнительные глаза - каждая мелочь была живо изображена. Его огненно-красное платье было надето неаккуратно, открывая выдающиеся ключицы и небольшой участок его бледной, тонкой груди.

При внимательном рассмотрении казалось, что его грудь мягко вздымалась, как будто живой человек сладко спал там перед всеми. Его очаровательные алые губы были слегка приоткрыты, как у Спящей Красавицы, ожидающей, чтобы принц разбудил её поцелуем.

Среди покупателей присутствовали люди разного возраста и пола, с разными характерами. Но в тот момент все они были очарованы, желая стать белыми рыцарями, которые разбудят красавца.

Взгляд Су Яо тоже был сосредоточен на картине. Он чувствовал, как адреналин бурлит в крови, мозг работает на полную, сердце стучит, и даже дыхание невольно участилось.

Всё это было потому, что он увидел картину перед собой и отчаянно хотел заполучить находящегося на ней человека.

Нефритовый амулет на его груди обжигал кожу, а серебряная цепочка на запястье слабо светилась. Эти две вещи, которые он носил с детства, едва позволяли почти разрушенной рациональности Су Яо цепляться за жизнь. Прежде чем он полностью поддался безумию, он сильно ущипнул себя за бедро и молча прочитал Сутру Успокоения Сердца сто раз, лишь тогда его разум немного прояснился.

Глядя на картину сейчас, его сердце все еще трепещет от сильных эмоций. Но теперь он может наблюдать за ней с относительным рационализмом. Су Яо не осмеливался снова посмотреть на стеклянную трубку, опасаясь, что снова глубоко погрузится в неё. Он мог только повернуть голову к дяде Чжану и остальным.

Глаза дяди Чжана покраснели, а по лбу струился пот. Но ему каким-то образом удавалось сохранить рассудок. Он с трудом повернул голову к Су Яо и сказал: «Действительно, это необычно».

Су Яо заметил своими зоркими глазами слабый свет, исходящий из-под воротника дяди Чжана. Придя в себя, дядя Чжан крепко сжимал нефритовый амулет на груди и произнес: «Это подарил мне твой дедушка. Если бы он не грелся, я, возможно, уже лишился чувств».

Говоря это, в его глазах было немало сожаления и ностальгии. «Даже если эта картина несколько необычна и, кажется, обладает смертельным очарованием, я уверен, что даже без этого многие присутствующие здесь были бы готовы заплатить за неё высокую цену».

Поразмыслив, Су Яо почувствовал, что собеседник говорит очень мудро.

Однако остальные зрители на месте были не так рациональны, как эти двое. Остальные люди безумно кричали и прыгали, их покрасневшие глаза уставились на выставленные предметы. Пухлое лицо директора Цзиня было покрыто потом, а все лицо покраснело.

Увидев состояние старика Цзиня, Чжан Цзяньцзюнь понял, что что-то не так. Среди шумных криков он изо всех сил пытался разбудить своего давнего друга: «Старик Цзинь, очнись! Не будь опрометчивым!»

Однако его слова, казалось, падали в пустоту. Глаза директора Цзиня были плотно прикованы к картине на подиуме, он хлопал и кричал вместе с другими покупателями.

Когда эмоции зрителей достигли пика, выражение лица аукциониста оставалось неизменным. Он постучал молотком по столу перед собой и громко сказал: «Теперь картина "Портрет Красавца" будет официально выставлена на аукцион. Начальная цена – 10 миллионов!»

«15 миллионов!»

«20 миллионов!»

«30 миллионов!»

«...»

Каждая ставка покупателей была выше предыдущей, решительная и агрессивная, как будто они боялись, что красавец на картине попадет в чьи-то еще руки. Чувствовалась сильная страсть древних царей, сражающихся за красавицу. Погоня и конкуренция поднимали цену все выше и выше, а Су Яо снизу слушал с трепетом.

После многочисленных безуспешных попыток отговорить его, директор Цзинь в конце концов купил картину по беспрецедентно высокой цене. Огромная сумма заставила Су Яо усомниться, подозревая, что после покупки этой картины директор Цзинь, вероятно, обанкротится.

Однако на лице директора Цзиня не было никаких признаков тревоги, вместо этого он выглядел восторженно, как будто исполнил заветную мечту. Другие покупатели не выглядели облегченными, а смотрели на директора Цзиня с неприязнью.

Су Яо, сопровождавший дядю Чжана и Цзиня, не радовался за директора Цзиня. В глубине души он даже чувствовал укол ревности.

Такой прекрасный человек, а директор Цзинь, полный и низкорослый мужчина, казалось, недостоин его.

После того, как аукционист кратко подвел итоги аукциона, он нажал кнопку, и стеклянная трубка на подиуме для демонстрации опустилась. Отдыхающий красавец постепенно скрылся из виду, вызвав сожалеющий вздох всех присутствующих. Было такое чувство, что их сердца сжимало что-то, оставляя горько-сладкое чувство беспомощности.

Только возбуждение продолжало озарять лицо директора Цзиня. Он уже заполучил картину; ничего страшного, что на время она скрылась из виду, не дразня других.

Когда последний предмет был продан, аукцион закончился. Покупатели, их помощники и телохранители хлынули потоком к выходу.

Поскольку Су Яо и дядя Чжан пришли с Цзинем, они ждали сзади за сценой аукционного дома, пока Цзинь заплатит за покупку и заберет картину.

Стоя в стороне, дядя Чжан молчал, а на его лице было беспокойство, как будто он о чем-то размышлял. Су Яо понимал его опасения, так как знал, что дядя Чжан и директор Цзинь были близкими друзьями. Раз директор Цзинь купил эту картину, которая может быть проблемной, дядя Чжан не мог быть спокоен.

Су Яо немного подумал и предложил: «Если дядя Чжан действительно обеспокоен, почему бы не попросить даосского жреца помочь подавить человека на картине?»

Директор Цзинь уже продемонстрировал свою упрямость. Раз убедить его отказаться от картины было невозможно, проще всего может было воздействовать непосредственно на саму картину и уговорить директора Цзиня позволить даосскому жрецу провести на ней ритуал.

Услышав это, дядя Чжан задумался.

Пока они разговаривали, вышел директор Цзинь. Он взял с собой телохранителя, но не попросил его нести картину. Вместо этого он сам нёс бронированный ящик, весело присоединяясь к дяде Чжану и Су Яо в машине, крепко прижимая ящик к себе.

Как только машина тронулась, дядя Чжан немного поразмыслил, прежде чем осторожно сказать: «Старик Цзинь, хотя картина красавца, которую ты купил, совершенна, что, если Су Яо взглянет на неё и проведёт даосский ритуал, чтобы убедиться, что всё в порядке?»

Су Яо не ожидал, что дядя Чжан упомянет его. Он удивленно посмотрел на него и увидел, как

дядя Чжан серьезно смотрит на него. Су Яо мог только кивнуть в знак согласия.

Хоть он никогда по-настоящему не был даосским жрецом, он выучил всю теоретическую базу у своего деда в деревне.

Помочь с простым подавлением должно быть в его силах.

Однако директор Цзинь тут же решительно возразил: «Что там смотреть? Разве вы оба только что не видели? Дядя Чжан, я тебе говорю, все могут любить красоту, но эту картину я купил за большие деньги. Я никому не позволю к ней прикасаться!»

Дядя Чжан уже предвидел реакцию старика Цзиня. Он быстро надел успокаивающую улыбку и терпеливо уговаривал: «Не волнуйся, успокойся! Мы не говорили, что с твоей картиной что-то не так. Мы просто обеспокоены за тебя. Вспомни того богатого бизнесмена из Юнди, ты же знаешь эту историю. Хотя его смерть, возможно, никак не связана с этой картиной, лучше перебдеть, чем недобдеть».

Он продолжил: «Ты потратил кучу денег, чтобы купить эту прекрасную картину, конечно, ты хочешь насладиться ею. Но безопасность превыше всего, ты должен быть жив, чтобы наслаждаться. Су Яо просто посмотрит на неё как предосторожность. Если тебе не по себе, пусть телохранитель стоит у двери и окна. Даже если ты нам не доверяешь, с нашей физической формой Су Яо и я никуда не сможем сбежать».

Картина красавца заперта в бронированном ящике, временно скрыта от глаз. Мозг директора Цзиня, который накалился, немного остыл. Подумав, он неохотно согласился с доводами - это имело смысл. Он должен быть жив, чтобы наслаждаться своим богатством. Но он все же предупредил: «Не пытайтесь ничего предпринять!»

Дядя Чжан и Су Яо кивнули в знак согласия.

В машине директора Цзиня они направились к его вилле. Вилла была большой, с декором в нуворишском золотом стиле, довольно ослепительном.

Директор Цзинь распорядился, чтобы один телохранитель стоял у окна его комнаты на первом этаже, другой последовал за ними наверх, охраняя дверь, а третий оставался в комнате. Им было запрещено смотреть на картину, они должны были следить только за Су Яо и дядей Чжаном.

Видя, насколько осторожен его старый друг, дядя Чжан почувствовал смутный дискомфорт. Однако, учитывая обстоятельства вокруг картины, он считал, что предосторожности старика Цзиня были в некоторой степени оправданы. Раз он не смог отговорить старика Цзиня от покупки картины, он должен был позаботиться о безопасности друга.

Су Яо покрутил браслет и потрогал нефритовый амулет на шее. Это были реликвии от его деда, призванные сохранять ясность разума. Однако, после опыта на аукционе, Су Яо понял, что этого недостаточно. Он достал из пиджака тонкий талисман Очищения Сердца и положил его себе на грудь, чтобы максимально прояснить сознание.

Решение дяди Чжана было спонтанным, поэтому у Су Яо с собой ничего не было. Директор Цзинь приказал принести желтую бумагу, киноварь и кисть, а также различные инструменты, которые могли потребоваться.

Проанализировав ситуацию, Су Яо взял кисть и одно за другим написал несколько заклинаний киноварью.

Когда все было готово, директор Цзинь дрожащими руками повесил свиток на стену и медленно развернул его.

Картина по-прежнему была знакомой сценой – красавец, лежащий под персиковым деревом, выглядел живым и реальным. При тусклом свете Су Яо разглядел легкую игривую улыбку на губах красавца в картине.

Снова вернулось то чувство, когда адреналин бурлит в крови, сердце стучит, а голова кружится. Но на этот раз, благодаря теплему нефритовому амулету на груди, сверкающему браслету и укрепляющему разум талисману, Су Яо смог сохранить рассудок.

Он щелкнул пальцами, и нарисованный киноварью на желтой бумаге талисман влетел прямо в картину. Мгновенно там появилась цепь. Одним концом она была прикреплена к персиковому дереву, а другим – к лодыжке красавца.

Впервые Су Яо заметил, что красавец на картине был босиком, его белые ноги слепили глаза. Даже эти босые ноги были поразительно прекрасны. Округлые пальцы, изящная выступающая косточка, тонкая лодыжка – на фоне жестких черных цепей они имели свой особый запретный шарм.

После того, как цепь прикрепилась, в картине не произошло заметных изменений. Но, казалось, персиковое дерево стало сиять ярче. И если Су Яо не ошибался, ему показалось, что уголки губ красавца слегка опустились, и он выглядел очень обиженным.

Су Яо не мог заставить себя использовать следующий талисман в руке.

Хотя картина казалась почти неизменной, а опущенные уголки губ могли быть лишь его воображением, Су Яо просто не мог этого сделать.

Ему казалось, что красавец очень невинен, и это он обижает его.

Стоявший рядом директор Цзинь быстро подошел, чтобы остановить его: «Хватит! Ты уже заковал его! Больше не мучай!»

По просьбе владельца картины дядя Чжан и Су Яо не могли сделать больше. К тому же, их внутреннее состояние претерпело тонкие изменения, делая неуместным дальнейшее пребывание. Им ничего не оставалось, как отступить.

Внутри картины.

С тех пор, как в прошлый раз из цветущего персикового дерева появился туманный туман, он то усиливался, то ослабевал, но полностью не рассеивался.

Сначала Му Цай решил, что это легендарная янская энергия, но теперь он был не уверен и мог только продолжать наблюдать за деревом издалека.

Поскольку в картине не было ни дня, ни ночи, Му Цай не знал, сколько времени прошло. Однако однажды персиковое дерево вдруг дало маленький красный пухлый персик.

Как только персик созрел, он заерзал своей попкой и оторвался от ветки дерева, спеша в его ждущие объятия.

Му Цай, прислонившийся к персиковому дереву и мечтавший, мгновенно пришел в себя от маленького персика.

Держа в руках этот милый маленький персик, он смущенно поднял голову. В картине было всего три сцены: персиковое дерево, озеро и беседка. Если идти дальше, то будет как в плохо прорисованной онлайн-игре, где никакие пейзажи не появляются, только пустота.

Жить внутри картины для Му Цая было довольно скучно. Ему нечем было заняться, и все, что он мог делать каждый день – это лежать под персиковым деревом, мечтать и спать. Он и не ожидал, что персиковое дерево неожиданно порадует его, уронив такой маленький персичек.

Увидев взгляд Му Цая, персиковое дерево закачалось само по себе, слегка встряхивая свои цветы, хотя не было никакого ветра.

Хотя дерево явно не могло выражать эмоции, Му Цай подумал, что, кажется, оно очень радо его видеть.

Му Цая осенила догадка, и он решил проверить свои подозрения: «Этот персик специально для меня?»

Персиковое дерево снова закачалось перед ним.

Похоже, что так.

Му Цай нежно погладил персик в руке. Он был гладким и круглым. Поднеся к носу, почувствовал ароматный, слегка сладкий запах.

Польщенный, он не смог сдержать похвалу: «Какой замечательный персик! Спасибо!»

Персиковое дерево, казалось, возбужденно закачалось взад-вперед, обсыпая Му Цая лепестками персикового цвета и устилая ими землю вокруг него.

Му Цай откусил маленький персик перед персиковым деревом. Сок был обильным, а вкус невероятно восхитительным. На его лице появилось блаженное выражение, и он вдруг почувствовал разливающееся по телу тепло.

Этот персик, казалось, был очень полезен для его нынешнего призрачного состояния.

Му Цай понял, что что-то не так, и сразу попытался остановить персиковое дерево от выращивания больше персиков.

Однако, вероятно, из-за его предыдущей реакции, персиковое дерево не слушало его. С тех пор дерево время от времени выращивало персик и изо всех сил старалось попасть им в него.

Не имея другого выбора, Му Цай решил больше не есть будущие персики. Вместо этого он собирал их все. Казалось, персиковое дерево в картине только что обрело духовное сознание и очень полюбило его, поэтому изо всех сил старалось вырастить персики для него. Но в то же время маленькое персиковое деревце, возможно, нечаянно сделало что-то не очень хорошее.

Лучше всего было сохранить эти персики, ведь они могли помочь маленькому персиковому деревцу избежать беды в будущем.

Пока Му Цай об этом думал и собирал пухленькие красные цветы.

<http://tl.rulate.ru/book/39062/3652599>